

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
Х49

This edition is published by arrangement with David Luxton
Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Rachael Hearson
HANDLE WITH CARE:
TRUE CONFESSIONS OF AN NHS HEALTH VISITOR

Перевод с английского *Елены Владимировны Погосян*

Хирсон, Рэйчел.

Х49 Обращаться с осторожностью. Искренние при-
знания патронажной сестры / пер. с англ. яз. Е. В. По-
госян. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 320 с. —
(Призвание. Истории от первого лица).

ISBN 978-5-17-127380-4 (рус.)

ISBN 978-1-913406-03-5 (англ.)

За 40 лет работы в Национальной службе здравоохранения Вели-
кобритании Рэйчел Хирсон приходилось сталкиваться один на один
с очумевшим от наркотиков сутенером на лестничной площадке,
с угрожавшим ей ножом домашним насильником в хостеле, по недо-
разумию оказаться в борделе. И это только верхушка айсберга...

Патронажная сестра — одна из профессий, к которой часто
относятся с незаслуженным пренебрежением. «Подумаешь, зайти
в гости попить чайку! Разве это сравнишь с работой настоящей мед-
сестры, такой, которая помогает в больнице?»

Это совершенно не так. Патронажная сестра — профессио-
нальный медицинский работник, прошедший три года обучения и
отправленный трудиться «в люди» на свой страх и риск. Здесь за
спиной у тебя нет команды поддержки, которую можно позвать на
помощь в критической ситуации. И ты не посидиваешь с хозяева-
ми у камелька, и у тебя нет отдушины в виде проникновенных бесед
с коллегами во время обеденного перерыва. И вообще никого нет
рядом, чтобы просто спросить: «Как ты думаешь, я не ошибаюсь?»

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127380-4 (рус.)
ISBN 978-1-913406-03-5 (англ.)

© 2020 by Rachael Hearson
© Е. В. Погосян, перевод, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
АСТ», 2023

*Эта книга посвящается всем несравненным
мамочкам и их семьям, которые оказали мне честь,
приняв мою помощь на трудном родительском пути.
Спасибо вам.*

*Всем добросовестным и усердным патронажным
сестрам, тем, кто каждый день трудится
во всех уголках нашей страны и без шума
и суеты буквально двигает горы.*

*А еще моим близким, а особенно Дж., ММ и ДД.
Я люблю вас всем сердцем
и делаю это все для вас.*

ВВЕДЕНИЕ

Труд патронажной сестры происходит за закрытыми дверями: невидимый, но от этого не менее важный. Мы наделены привилегией и уникальным доступом во все семьи с детьми младше 5 лет: наш офис — это ваша гостиная. Наша обязанность — навещать вас дома. Когда у вас маленький ребенок, мы оказываемся единственными профессиональными медиками, которые постоянно заботятся о нем. Раньше было принято, чтобы семейный врач наносил «визит вежливости» вашему новорожденному, но теперь не предусмотрено даже этого.

Наши отношения с клиентами очень личные, часто мы видим семью в самом уязвимом ее состоянии. Мы имеем дело со всей палитрой человеческого опыта. Наш долг — рассказывать и наблюдать за жизнью во всей ее неупорядоченности и непредсказуемости, и в то же время непостижимом величии.

Десятки лет миновали с тех пор, как я стала работником Национальной службы здравоохранения (далее — НСЗ^{*}), куда пришла еще студенткой, об-

* Национальная служба здравоохранения (англ. *National Health Service, NHS*) — зонтичный термин, описывающий совокупность отдельных национальных государственных организаций здравоохранения Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. НСЗ финансируется главным образом за счет общенациональных налоговых поступлений, и ее услуги бесплатны для всех британцев и беженцев (Здесь и далее — *Прим. пер.*).

учавшейся на медсестру. Если уж быть точной, это случилось 9 июля 1979 года. С тех пор я работала медсестрой, акушеркой, а последние 30 лет — патронажной сестрой. Нужно жить на другой планете, чтобы оставаться в неведении о непрекращающихся изменениях в политике, методах лечения, обеспечении страховки, контрактах, перспективах и вечных финансовых трудностях НСЗ.

Когда я начинала, не было никаких компьютеров, мобильных или менеджеров проектов, нас не обучали алгоритмам или политике самостоятельной работы, ключевым словам или профессиональной терминологии. Имелся семейный врач, упакованный в тугую воротничок и галстук и начиненный добродушным юмором, появлявшийся у вас после обеда, если ваш малыш страдал от отита средней степени тяжести (то есть у него болело ухо). Участковая акушерка приходила ежедневно в течение 10 дней после появления в вашей семье новорожденного. Завершала картину жизнерадостная патронажная сестра. Она навещала семью раз в неделю, чтобы взвешивать ваше ненаглядное чадо, пока ко взаимному удовольствию вы не решали, что набрались достаточно опыта во всех аспектах, будь то кормление, эмоциональные проблемы и все прочее, связанное с воспитанием младенцев. Частота визитов зависела от того, насколько вам требовалась помощь со стороны или, напротив, как скоро вам надоедало чье-то вмешательство. Оба суждения являются равно правомер-

ными, коль скоро у мамы, ребенка и остальных членов семьи все идет хорошо. Кажется, все просто.

Однако реальность была такова, что мне приходилось оставаться один на один и с очумевшим от наркотиков сутенером на лестничной клетке, и с угрожавшим ножом домашним насильником в приюте для бездомных. Однажды по недоразумению я оказалась в борделе, где стала невольной свидетельницей деловой активности, «принятой» в этом месте. Я договаривалась о доставке кровельного железа, чтобы получить доступ в бомжатник с дырявой крышей, который считала своим домом молодая семья. Бетонный пол они застелили протертым шерстяным одеялом. Еще там был тюфяк. И размещенные в ключевых точках свечи. Ни электричества, ни водопровода. И крошечный младенец 10 дней от роду.

С другой стороны, мне доверили уход за новорожденным чадом придворной дамы. Они жили в известном историческом особняке, имевшем связи с королевской семьей, и мне даже продемонстрировали комнату, в которой Анна Болейн провела ночь накануне казни.

Наша работа подбрасывает бесконечное множество самых абсурдных и невероятных сценариев. Особенно этим богаты лондонские трущобы. Например, я имела (эээ...) привилегию наблюдать за мастурбацией 20-летнего гражданина мужского пола, в то время как мы с его подружкой обсуждали сексуальные извращения, которые практиковала эта

пара. Ее приятель был насильником. И партнерша от него не отставала.

Этот живчик прискакал к нам сверху по лестнице и плюхнулся на диван. Я продолжала разговор с его подружкой, попутно проверяя состояние младенца. Краем глаза я уловила какое-то движение и посмотрела направо, предполагая, что он либо чешется, либо чем-то играет. На самом деле он занимался и тем, и другим. Трудно было ошибиться при виде определенных движений руки с возрастающим ритмом. Его рассеянный взгляд был устремлен в пространство. Боже милостивый! Я развернула стул спинкой к нему. Я ничего не вижу, а значит, этого не было. А потом испугалась. Господи, а что случится... «на пике»? По крайней мере, он хоть не шумел. Во всем можно найти свои плюсы. Вскоре он покинул помещение. Меня поразило, как равнодушно отнеслась к этому его подружка. Он держал себя так, будто нас здесь не было, она держала себя так, будто его здесь не было, я сохраняла спокойствие и просто... держалась. И вообще, это был не первый и не последний раз, когда мне довелось оказаться в обществе любителя самоудовлетворения.

Однажды мы с практиканткой отправились проведать малыша, судя по всему, оставленного одного дома в квартале Тауэр-Хамлетс. При виде приоткрытой задней двери мы решили, что ребенок мог убежать, и позволили себе войти внутрь без спроса. Тут же мы натолкнулись на мужчину, от которого нам

было мало проку: совершенно пьяный, он валялся на кровати и храпел, нисколько не потревоженный нашими окриками и просьбами проснуться. Данная ситуация требовала вызова полиции: мы не имели права оставить ребенка в незапертом помещении под таким, с позволения сказать, «присмотром».

Довелось мне навещать и мамашу с младенцем под крышей тату-салона: все пространство в нем занимали террариумы со змеями и пауками. Я невольно засмотрелась на клиентов, сидевших в очереди за своей порцией иголок. Особенно запомнился один парень в джинсах, исписанных шариковой ручкой граффити в стиле «Джош совокупляется с козой», «Элли Мэй берет в рот». Это было очень познавательно. Когда же я поинтересовалась у мамы новорожденной, как она назовет свою крошку, она сообщила мне, что вот этого конкретного ребенка будут звать Эйми-Порша (буквально так!).

— Это в честь Порции, как у Шекспира? — спросила я.

— Нет, — ответили мне. — Это в честь автомобиля.

Мы оформляли материальную помощь для покупки посудомоечной машины или других полезных вещей для тех, у кого давно кончились надежды, деньги и антидепрессанты, или у кого в семье растет 16 детей, или чье пособие по нетрудоспособности уже иссякло, а до следующего еще жить да жить. Мы не делали это постоянно, но бывало и так, что делились собственными деньгами, когда видели совсем отча-

янную нужду. Например, если на полке в холодильнике мышь повесилась, а на носу было Рождество. Они могли показать свой пустой кошелек. Или пожаловаться на приставов, забравших последнее. И я почувствовала бы себя последней дрянью, просто повернувшись к ним спиной.

Недавно я провела у себя в офисе опрос, предложив коллегам рассказать о том, помогают ли они так же своим клиентам. Все сначала напряглись и прекратили стучать по клавишам, но мало-помалу расслабились настолько, что смогли поделиться историями о том, как покупали еду (предваряя работу банков продовольствия*) или талон на продуктовый набор к Рождеству. Никто почти никогда не давал деньги (этого вообще не следует делать), но временами случалось и такое. Сплошь и рядом мы оказываемся единственными свидетелями отчаянной ежедневной борьбы, которую ведут семьи простых работяг.

* Банк продовольствия (англ. *food bank*) — это благотворительная организация, которая занимается сбором продуктов от производителей и поставщиков и передачей их нуждающимся. Банк продовольствия бесплатно принимает еду, в том числе ту, срок действия которой близок к истечению, упаковывает их при помощи волонтеров и доставляет голодающим людям. При этом действует жесткая система контроля качества продуктов.

Банк продовольствия не занимается непосредственно раздачей продуктов. Это делает сеть сотрудничающих компаний, в которую входят местные благотворительные организации и социальные учреждения, у которых налажен прямой контакт с нуждающимися (бесплатный магазин). Для покрытия расходов на логистику и последующую сортировку собранных продуктов проводятся акции по сбору денежных пожертвований от частных лиц и организаций.

Банки продовольствия сделали немало добра во время глобального коллапса финансовых рынков. Первый такой банк, *Trussell Trust*, появился задолго до 2004 года*. Они начали свою деятельность в Солсбери, объединив два банка продовольствия. К 2020 году в эту сеть входило уже 2000 банков, из которых *Trussell Trust* контролирует 1200, а остальные — независимые провайдеры или благотворительные фонды.

Талоны на питание распределяли социальные работники, семейные врачи, патронажные сестры и сотрудники Бюро гражданских консультаций**. Талон позволял получить стандартный трехдневный набор продуктов для любой семьи. Обычно он состоял из консервов или сублимированных продуктов, которые легко хранить. Однако с 2018 года в него все чаще стали включать и скоропортящийся товар, когда банками продовольствия заинтересовались сеть *Asda* и иже с ними***. При

* *Trussell Trust* — это неправительственная благотворительная организация, которая работает над тем, чтобы покончить с необходимостью создания продовольственных банков в Великобритании.

** Бюро гражданских консультаций (англ. *Citizens Advice*) — сеть, состоящая из 316 независимых благотворительных организаций по всему Соединенному Королевству, которые предоставляют бесплатную конфиденциальную информацию и консультации для помощи людям с денежными, юридическими, потребительскими и другими проблемами.

*** *Asda* — один из крупнейших продовольственных супермаркетов Великобритании, который жертвует излишки пищевых продуктов, двигающихся по возвратной цепочке поставок, компании *FareShare*, специализирующейся на распространении еще непросроченных излишков еды на благотворительные цели по всей Великобритании, обеспечивая питание для нескольких сот тысяч человек, по их утверждению, живущих в «глубокой бедности».

этом имелись и наборы для тех, у кого нет возможности готовить: сюда входили такие полуфабрикаты, которые достаточно было разогреть в микроволновке.

С 2018 по 2019 годы *Trussell Trust* успел раздать 1 583 668 наборов — на 18,8 % больше, чем в предыдущем году. Если к этому добавить независимые банки продовольствия, получается около 3 млн. Те, кому они достались, как правило, лишены постоянного дохода, разведены, безработные, это и жертвы насилия, умственно отсталые, не способные расплатиться с долгами, или страдающие от сочетания сразу нескольких из этих проблем.

Наша реальность состоит в том, что, хотя мы работаем с самыми любящими, воодушевленными и дееспособными семьями, наравне с ними нам приходится уделять львиную долю того же времени, энергии и сообразительности тем, кто оказался на противоположном конце шкалы. Таких, кто невнимателен, а подчас и откровенно жесток со своими детьми. Это могут быть акты небрежности (неосознанные), например когда детей оставляют одних, чтобы пойти выпить, так и акты жестокости (осознанные), когда детям нарочно причиняют боль, избивая, прижигая сигаретой или другим способом подвергая физическому, эмоциональному или сексуальному насилию, включая все промежуточные варианты. По отношению к нам такие родители могут вести себя равнодушно, уклончиво, враждебно и даже угрожающе, особенно если находятся под влияни-

ем партнера, только что вышедшего из тюрьмы, потенциального насильника, педофила, наркомана/наркодилера, человека с серьезными проблемами с психикой.

И все равно патронажная сестра остается одной из профессий, к которой часто относятся с незаслуженным пренебрежением. «Подумаешь, зайти в гости попить чайку!», «Разве это сравнишь с работой настоящей медсестры, помогающей в больнице?», «От моей патронажной сестры никакого толка!», — воскликнут такие люди, и их гораздо больше, чем можно предположить. Ну так вот: мы — настоящие медицинские работники. Когда я получала профессию, обучение дипломированной медицинской сестры занимало три года. Затем шла стажировка в качестве рядовой или старшей медицинской сестры в стационаре и еще 12-недельные курсы родовспоможения или 12–18 месяцев работы акушеркой. И только после всего этого нам давали разрешение работать патронажной сестрой.

Позднее нас обязали учиться 3 года для получения общей квалификации медицинской сестры, а затем проходить год специализации на патронажную сестру. Очень многие из нас прошли обучение до уровня магистра. В отличие от наших замечательных коллег, продолжающих тянуть ляжку в составе больничного братства, мы отправляемся трудиться «в люди» на свой страх и риск. Хотя в кармане у нас лежит мобильник, за спиной нет команды поддерж-

ки, которую можно вызвать на помощь в критической ситуации. И нет отдушины в виде задушевных бесед с коллегами во время обеденного перерыва. И вообще никого нет рядом, чтобы спросить: «Как ты думаешь, я не ошибаюсь?». На свой. Страх. И риск.

Недавно я оказалась в общей гостиной заведения *V&V* с молодым семейством. Засаленные столы, жалкий набор столовых приборов. Жуткие пластмассовые муляжи неубиваемых фруктов, разложенные с такой помпой, как будто здесь вот-вот начнется банкет на деньги от *Universal Credit*^{*}. На журнальном столике в углу сиротливо торчала побитая жизнью нереально розовая елка. Мы мило болтали с молодым человеком с изрытым оспинами лицом и пивной отрыжкой, поведавшем мне, что им пришлось перебраться в этот приморский городок из Йорка, откуда их выжили приставучие социальные работники: этих зануд не устраивало, что его подруга имела сексуальную связь со своим папашей.

Их двухгодовалая дочка насупилась на меня и хлопнула в ладоши. Говорить она не умела, зато метко запустила в мамочку поломанным мобильником. Точное попадание, прямо в грудь! Я попыталась уговорить их отвести ребенка на консультацию к специалисту по развитию речи, но через неделю их уже и след простыл. Отправились неведомо куда без родных, без поддержки. Жалкие об-

^{*} *Universal Credit* — социальное пособие в Великобритании.

ломки кораблекрушения современного английского низшего класса.

Уровень реальной обездоленности детей в таких семьях доводит до отчаяния, когда приходится сталкиваться с ним каждый божий день. Для большинства наших клиентов главная беда заключается даже не в отсутствии места, которое можно было бы назвать домом, с его комфортом, безопасностью и личным пространством. Главное — в отсутствии чувства человеческого достоинства, которого лишает их жизнь без адекватных источников дохода, когда само существование семьи находится под постоянной угрозой. При виде этих семей, лишенных возможности выбора и самоопределения, сердце обливается кровью. Только представьте себе необходимость постоянно делить пространство и драться за место под солнцем с толпой чужаков, потому что у вас общая кухня, ванная и туалет.

Мои подопечные, оказавшиеся в таких ситуациях, могут лишь смотреть на меня с немой мольбой, и все же я не перестаю предлагать им (в надежде получить адекватный ответ) оформить с моим участием соответствующим образом документы на социальное пособие, обратиться за помощью в банк продовольствия или в агентство за «дорожной картой» — вот еще одно современное выражение — для получения хоть какой-то поддержки. Они могут даже не знать о такой возможности. Я готова помочь составить запрос на дотацию в приобретении каких-

то определенных предметов или время от времени написать достаточно действенный запрос местным властям или письмо домовладельцу с объяснением, что они стоят в очереди на пособие. (Опыт показывает, что такие письма работают хотя бы по части приобретения жалкой домашней утвари.)

Очень часто я, подобно коллегам, прихожу в ярость при виде той нищеты, в которой вынуждены существовать многие семьи, то и дело стараюсь выпустить пар, чтобы продолжать профессионально выполнять свои обязанности. В соответствии с современным законодательством о защите частной жизни нам приходится заниматься этим в присутствии своих клиентов, чтобы они могли озвучить разрешение для нас обращаться к властям от своего имени.

Нашу надежду на лучшее помогает поддерживать тепло и сочувствие Опры, не понаслышке знакомой с такой ситуацией, когда у тебя все дети слегли с диареей, а ты сама только что имела незащищенный секс со своим ненадежным бойфрендом: и да, я готова склониться перед драконом экстренной контрацепции. Мы не постесняемся громогласно призывать на баррикады, чтобы «добиться своего». Мы — настоящий кошмар для функционеров из НСЗ, поскольку остаемся неисправимыми бунтарями. Конечно, такого не скажешь, когда мы сидим у вас на диване, мы даже можем показаться едва ли не чопорными, как будто не видели реальной жизни. Но поверьте, нам довелось побывать в стольких пере-